

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Александръ Дюма-отецъ въ Петербургѣ. — Нѣсколько словъ Жюль-Жанена по случаю отъѣзда Дюма въ Россію. — Мое знакомство съ Дюма и проч. — Пріѣздъ въ Петербургъ знаменитаго Юма. — Новыл увеселительныя загородныя увеселенія. — Еще о Измерѣ. — Слухъ о Петергофскихъ праздникахъ.

Авторъ «Антони», «Монте-кристо», «Трехъ-мускетеровъ» и другихъ неисчислимыхъ романовъ и драмъ, извѣстный всему читающему міру—и по своимъ произведеніямъ и по своимъ литературнымъ процессамъ — Александръ Дюма уже около мѣсяца въ Петербургѣ. Это самая замѣчательная Петербургская новость Іюня мѣсяца. Вотъ какъ нацѣтствовалъ его одинъ изъ его литературныхъ собратьевъ Жюль-Жанень:

...«Александръ Дюма отправляется въ долгій путь. Онъ ѣдетъ въ Россію, и везетъ съ собой большую неизданную драму. Мы хотѣли бы подписать здѣсь паспортъ этому блестящему и остроумному человѣку, который былъ такъ долго балованнымъ дитей Парижской праздности. Обнаружьте ему свою заботливость, примите въ немъ участіе, милостивыя государыни и милостивые государи тѣхъ странъ, черезъ которыя онъ проѣзжаетъ въ сію минуту!... Онъ былъ вашею радостію, вашимъ праздникомъ. Выслушайте его рассказы и похождения! Дайте полную волю его рѣчамъ... Онъ восхититъ васъ. Онъ настоящій чародѣй съ палочкой фенъ въ рукѣ; онъ сынъ европейской Шехеразады; у него неисчислимый запасъ сказокъ, рассказовъ, повѣстей, драмъ, романовъ, воспоминаній, приключеній, путешествій; онъ будетъ рассказывать вамъ о магнетизмѣ, о разныхъ рѣдкостяхъ, о зданіяхъ, о кухнѣ... обо всемъ на свѣтѣ — и всегда съ полною добродушною веселостію. У него такая свѣтлая голова, такой нахо-

дчивый умъ, такое удивительное воображеніе! Онъ какъ щедрый баринъ горстями бросаетъ серебро, которое у него въ карманѣ сегодня, золото, которое онъ будетъ имѣть завтра и мастерскія характеристики и черты, которыя у него постоянно въ запасѣ. Въ счастливые годы онъ былъ любимымъ поэтомъ Франціи и даже Парижа: онъ былъ сотоварищемъ во всѣхъ путешествіяхъ, другомъ всѣхъ ниршествъ, гостемъ всѣхъ замковъ, сверхъкомплектнымъ членомъ всевозможныхъ увеселеній. Онъ былъ плотникомъ, садовникомъ, философомъ, историкомъ, журналистомъ... онъ даже былъ журналистомъ!.. и онъ теперь еще журналистъ... Онъ обѣщалъ намъ въ своемъ объявленіи совершить поѣздку по блистательному Средиземному морю и взять насъ съ собою. Всѣ острова съ нетерпѣніемъ ожидали его, всѣ берега призывали его къ себѣ: вся Греція (заключеніемъ Віотіи) готова была встрѣтить этого новаго Антенора самыми нѣжными привѣтствіями. Прекрасно!.. Но когда его воображаютъ на Югѣ, онъ вдругъ очутится на Сѣверѣ, когда думаютъ, что онъ въ пескахъ, — онъ въ снѣгѣ!..

«Потеря его для насъ велика. Въ этомъ человѣкѣ столько жизни и въ ней столько граціи и изобрѣтательности! Мы поручаемъ его гостепріимству Россіи и искренно желаемъ, чтобы онъ удостоился лучшаго приѣма, чѣмъ Бальзакъ, — Бальзакъ наставникъ Россіи (!)! Онъ явился въ Россію не вовремя — тотчасъ послѣ г. Кюстина — и потому, какъ это часто случается, невинный пострадалъ за виновнаго. Что же касается до невинности... невиннѣе г. Александра Дюма ничего быть не можетъ. Повѣрьте, милостивые государи, что онъ станетъ рассказывать обо всемъ, что увидитъ и услышитъ такъ мило, такъ безобидно, съ такимъ тактомъ, съ такими похвалами и съ такимъ веселымъ расположеніемъ духа! Онъ будетъ такъ доволенъ самимъ собою и въ тоже время всѣми вами, господа! Онъ навезетъ вамъ съ собою столько прехитрыхъ мыслей, столько дозволенныхъ переворотовъ, столько веселости и живости, что съ вашей стороны было бы преступленьемъ, еслибы вы не протянули ему дружескую руку, еслибы вы не были любезны съ этимъ исполиномъ драмы и романа, повѣсти и рассказа.

«Вспомните петербургскіе милостивые государи и московскія милостивыя государыни, что мы васъ на время ссужаемъ Александромъ Дюма! Мы его ни за какія блага въ мірѣ не отдадимъ вамъ совсѣмъ... Онъ нашъ... мы такъ привыкли его видѣть, онъ доставляетъ намъ столько удовольствія своими рассказами изустными и печатными... и кромѣ того онъ принадлежитъ намъ по праву рожденія и по праву своихъ побѣдъ и мы иначе не хотѣли съ нимъ проститься, какъ до свиданія.

«Прощай же неистощимый и вѣчно веселый изобрѣтатель, немѣющийся соперниковъ, съ постоянно бодрствующимъ воображеніемъ и съ умомъ одинаково блестящимъ вчера и сегодня и который навѣрно будетъ также блеснуть завтра! Прощай — само движеніе, сама шутка, самъ энтузіазмъ, прощай милый забавникъ человѣчества, избалованное дитя, на котораго часто сердился, но котораго всегда любишь!... Неправидѣть этого человѣка невозможно, какъ бы вы не сердились на него; когда онъ проходитъ мимо васъ — нельзя удержаться, чтобы не взглянуть на него, когда онъ заговариваетъ съ вами нельзя не поклониться ему, когда онъ улыбнется — нельзя не простить ему все!.. Въ немъ бездна злой хитрости и ни малѣйшей злобы, въ немъ бездна тщеславія и ни на копейку гордости; онъ падокъ къ отчаянію и исполненъ безконечными надеждами! Онъ нищъ, какъ Ирѣ... и не знаетъ числа своимъ дворцамъ въ воздушныхъ пространствахъ. Дайте во владѣніе его цѣлый міръ — онъ промотаетъ его. Дайте ему кусокъ ржаного хлѣба — онъ будетъ доволенъ и имъ!.. Онъ вообразилъ себя однажды лакомкой (*gourmand*)... о, фантазеръ! но онъ не сдумаетъ отличить тюрбо отъ копченой сельди и Бордоскаго отъ Макона!

«Мы вамъ ссужаемъ его такимъ, каковъ онъ есть и предупреждаемъ васъ, что онъ человѣкъ неутомимый и счастливый и что на него угодить не трудно...»

Г. Жюль-Жанень можетъ быть совершенно покоенъ. Городъ Петербургъ принялъ г. Дюма съ полнымъ русскимъ радушіемъ и гостепріимствомъ.. да и какъ же могло быть иначе? г. Дюма пользуется въ Россіи почти такою же популярностію, какъ во Франціи, какъ и во всемъ мірѣ... между любителями легкаго чтенія, а легкіе чтенцы составляютъ большинство въ человѣчествѣ. Г. Моне — живописецъ, путешествующій вмѣстѣ съ г. Дюма, замѣтилъ мнѣ, говоря о популярности Дюма повсюду, что въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что никто такъ *легко не читается*, какъ г. Дюма; дѣйствительно тайна его успѣха заключается въ этихъ двухъ словахъ, но какъ будто такъ легко добиться до того, чтобы *легко читаться*? Для этого все таки надобно имѣть... прежде всего талантъ, потомъ неистощимый запасъ воображенія, веселость, смѣлость, (ею г. Дюма владѣетъ въ высшей степени!) бойкость въ разсказѣ, умѣнье расположить интригу.... и мало-ли что еще!...

Здѣсь не мѣсто разсуждать о литературномъ значеніи г. Дюма и критически разсматривать его произведенія.... да и не время. Какъ образованные и любезные хозяева мы не должны позволить себѣ произнести въ присутствіи его что нибудь такое, что могло бы возбудить въ немъ хоть тѣнь неудовольствія.... да и къ чему послужи-

ли бы эти критики? Что сказали бы они новаго? Кто же наконецъ не знаетъ, къ какому роду талантовъ принадлежитъ талантъ г. Дюма?... По всему этому, намъ очень стыдно за нѣкоторыхъ русскихъ фельетонистовъ, позволившихъ себѣ неприличныя шутки и выходки противъ знаменитаго французскаго автора, въ минуту, когда онъ гоститъ у насъ. Пробѣгая эти неприличныя шутки, невольно памъ пришелъ на память *знаменитый мизинчикъ* г. Булгарина, нущеннѣйшѣмъ въ ходъ его сорока—пяти лѣтнимъ (я полагаю, что теперь это можно сказать?) другомъ г. Гречемъ.... противъ критиковъ его друга. Теперь бы очень кстати, противъ этихъ шутниковъ фельетонистовъ, въ подражаніе заслуженному литератору (пережившему уже свой литературный юбилей) употребить въ дѣло мизинецъ г. Дюма, который ужъ во всякомъ случаѣ несравненно значительнѣе мизинчиковъ гг. Греча и Булгарина въ совокупности.

Несмотря на этихъ шутниковъ весь Петербургъ въ теченіи юня мѣсяца только и занимался г. Дюма. Объ немъ ходили различныя толки и анекдоты, во всѣхъ слояхъ петербургскаго общества; ни одинъ разговоръ не обходился безъ его имени, его отыскивали на всѣхъ гуляньяхъ, на всѣхъ публичныхъ сборищахъ, за него принимали Богъ знаетъ какихъ господъ. Стоило шутя крикнуть: *Вонъ, Дюма!* и толпа начинала волноваться и бросалась въ ту сторону, на которую вы указывали. Словомъ, г. Дюма — львомъ настоящей минуты....

Въ павловскомъ воксалѣ, — одинъ изъ русскихъ литераторовъ сопровождавшихъ его, представилъ его одной дамѣ и произнесъ громко его имя. При этомъ имени сейчасъ же всезаволновалось кругомъ, многіе вскочили на скамейки и на стулы, чтобы лучше его видѣть... — Что такое? — Что тамъ? спрашивали другъ у друга гуляющіе, бросившись туда, гдѣ стоялъ г. Дюма.

— Что случилось? спросилъ какой-то господинъ у проходившаго мимо мѣщанина.

— Ничего-съ, отвѣчалъ онъ, французскаго Дюму показываютъ-съ.

На г. Дюма даже спекулируютъ.

Къ нашему литературному другу, который взялъ на себя роль *чичероне* г. Дюма по Петербургу, явился сынъ одного извѣстнаго умершаго русскаго художника. Отецъ оставилъ ему въ наслѣдство нѣсколько несбытыхъ имъ картинъ.

— У меня до васъ большая просьба, — сказалъ сынъ умершаго художника литератору, — зная ваши отношенія къ хозяину дома, въ которомъ остановился г. Дюма (надобно замѣтить, что этотъ хозяинъ дома человекъ очень извѣстный и владѣющій огромнымъ состояніемъ),

— я рѣшился побезпокоить васъ. Не возьмете-ли вы на себя трудъ... такъ сторонкой заговорить съ хозяиномъ дома... до меня дошли слухи, что онъ хочетъ сдѣлать подарокъ г. Дюма.... ну что же онъ можетъ подарить ему? Какія нибудь брилліанты! сибирскія мѣха!... для г. Дюма было бы гораздо интереснѣе что нибудь такое, чтобы напоминало ему объ Россіи.... Помилуйте, чего же лучше ему имѣть русскіе виды, кому же написанные русскимъ художникомъ?.. Если вы мнѣ это устроите, прибавилъ сынъ умершаго художника, мигая своими черными, хитрыми взглядами, — мы съ вами, почтеннѣйшій другъ, славно пообѣдаемъ....

— Нѣтъ-съ покорно васъ благодарю, сказалъ литераторъ, — зачѣмъ же?...

— Въ такомъ случаѣ, — подхватилъ сынъ умершаго художника, я вамъ подарю одну изъ батюшкиныхъ картинъ....

— Помилуйте! возразилъ болѣе и болѣе смущаемый литераторъ..

— Ну такъ что нибудь деньгами.... перебилъ бойко сынъ умершаго художника, — я съ удовольствіемъ подѣлился бы съ вами, если бы вы мнѣ устроили это дѣльцо... Тысячки бы три.... что такое такому богачу три тысячи?...

Послѣ этого литераторъ счелъ уже необходимымъ дать почувствовать сыну умершаго художника, что онъ вовсе не желаетъ вмѣшиваться въ такого рода сдѣлки; но сынъ умершаго художника не унылъ: въ какое бы не время не приходилъ литераторъ къ г. Дюма, онъ постоянно заставлялъ у него сына умершаго художника; владѣлецъ русскихъ картинъ егосилъ передъ французскимъ романистомъ, выпрашивалъ у него его автографъ, осыпалъ его пустыми вопросами и пошлыми комплиментами. — Онъ, повидимому, еще не терлетъ надежды сбыть свои русскія виды...

Къ г. Дюма являюся ежедневно какія-то неслыханныя имъ соотечественницы, единственно для того, чтобы съ чувствомъ пожалъ руку такому знаменитому человѣку. Онъ получаетъ безпрестанно изъ отечества самыя нелѣпыя просьбы: одинъ проситъ опредѣлить его жену и его самого къ петербургскому французскому театру, на томъ основаніи, будто бы онъ вызванъ въ Петербургъ для устройства нашихъ театровъ; другой, вообразивъ, что г. Дюма путешествуетъ по Россіи для какихъ-то важныхъ цѣлей и по порученію русскаго правительства, проситъ принять его секретаремъ; третій — отыскать ему богатую невѣсту въ Россіи — и такъ далѣе.

Чичероне г. Дюма по Петербургу, о которомъ я упомянулъ выше — одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ нашихъ литераторовъ по таланту, по живости, по остроумію. Онъ съ свойственною ему любезностью и горячностью, принялъ на себя эту роль. Онъ показы-

валъ своему знаменитому собрату по искусству всѣ замѣчательно-сти Петербурга и его окрестностей. И лучшаго путеводителя по Петербургу г. Дюма не могъ бы найти! Его любезный чичероне въ Петербургѣ, какъ у себя дома: ему знакомъ Петербургъ во всѣхъ его подробностяхъ, начиная отъ аристократическихъ салоновъ до самыхъ послѣднихъ и темныхъ закоулковъ Толкучаго рынка; онъ изучилъ Петербургъ со всѣхъ сторонъ, какъ наблюдательный литераторъ и артистъ.... въ особенности, какъ артистъ.... Всякая малѣйшая артистическая рѣдкость и драгоцѣнность въ Петербургѣ, у кого бы она не находилась, ему извѣстна; никто лучше его не знаетъ Императорскаго Эрмитажа и всѣхъ замѣчательныхъ частныхъ галлерей въ Петербургѣ, онъ въ полномъ правѣ *faire les honneurs*... При всемъ томъ онъ обладаетъ неистощимымъ запасомъ веселости и изобрѣтательности, и въ этомъ случаѣ не уступитъ самому г. Дюма. Слова г. Жюль-Жанена о г. Дюма, вышеприведенныя нами: «его невозможно не любить и нѣтъ никакихъ средствъ на него сердиться: когда онъ проходитъ мимо васъ» и прочее.... могутъ быть совершенно приложены и къ нашему живому и остроумному соотечественнику. Между русскими литераторами — онъ рѣдкость.... Сравнительно съ нимъ мы всѣ тяжелы, скучны, мрачны, неуклюжи, неповоротливы, и надобно приписать счастливой звѣздѣ, сопутствующей, вѣроятно, повсюду г. Дюма, что онъ прежде всего въ Петербургѣ сошелся съ нимъ....

Ему-то я обязанъ двумя пріятнѣйшими днями, которые я провелъ въ обществѣ автора «Монте-кристо»....

Счастливый г. Дюма!... Ему все... даже и петербургская суровая природа благопріятствуетъ. Втеченіи всего пребыванія его въ Петербургѣ стоитъ теплая.... мало этого—жаркая, ясная, чудная погода. Небо синее, какъ въ Италіи, и на немъ ни одного облачка. Окрестности петербургскія развертываются передъ г. Дюма во всей своей красотѣ при яркомъ, солнечномъ освѣщеніи; петербургскіе фонтаны бьютъ и плещутъ для него, играя на солнцѣ и разсыпаясь радужными брызгами; море разстилается передъ нимъ гладкое, какъ стекло; солнечный закатъ разбрасываетъ, какъ будто нарочно для него, южные, эффектные тоны по небу; даже для прохлажденія его (въ этомъ нельзя сомнѣваться) дуютъ—не вѣтры... а что-то въ родѣ зефировъ.... Зефиры въ Петербургѣ! Это забавно....

И если самая непривѣтливая въ мірѣ петербургская природа улыбается г. Дюма, какъ же намъ не встрѣтить его съ улыбками и восторгомъ!...

Первая встрѣча моя съ г. Дюма была подъ тѣнію кленовъ, ласней и дубовъ въ одномъ изъ загородныхъ парковъ. Я еще не видѣлъ

его, но уж издали слышалъ его звучный, веселый голосъ, его громкій и добродушный смѣхъ.

Въ эту минуту мы оканчивали нашъ обѣдъ на широкой, зеленой (немного впрочемъ спаленной солнцемъ) площадкѣ сада, и когда Дюма (ѣхавшій изъ Петергофа, гдѣ онъ обѣдалъ, въ Ораніенбаумъ) показался изъ за деревьевъ высокій, полный, дышащій силой, весельемъ и здоровьемъ, съ шляпою въ рукѣ (онъ надѣваетъ шляпу только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ) съ поднятыми вверхъ густыми и курчавыми волосами, съ сильною уже просѣдою, — мы (три или четыре литератора тутъ бывшіе) отправились къ нему навстрѣчу.

Г. Дюма вѣдъ намъ крѣпко и дружески пожалъ руки своей широкой и мощной рукой и началъ тѣмъ тономъ добродушія (*bonhomie*), который прежде всего поражаетъ въ немъ:

— Господа, я къ вамъ являюсь запросто, безъ церемоній. Мы люди свои, — артисты.... Я очень радъ съ вами познакомиться....

Но ему не дали продолжать, раздались крики:

— Здоровье г. Дюма!

И бокалы запѣлились.

Съ г. Дюма былъ г. Моисе — очень талантливый живописецъ, который сопровождаетъ его повсюду и нашъ другъ и собратъ — его петербургскій путеводитель.

Г. Дюма, несмотря на то, что долженъ былъ чувствовать нѣкоторую усталость, послѣ осмотра Петергофа, былъ очень веселъ, любезенъ и говорилъ безъ умолку, повидимому, въ самомъ довольномъ расположеніи духа (это впрочемъ, кажется, его нормальное состояніе), онъ подошелъ къ нашему столу и пробовалъ нашъ національный ликеръ — т. е. наливку, которая ему очень понравилась.

Рѣчь зашла о французскихъ *Revue* вообще и объ *Revue des deux mondes* въ особенности. Я спросилъ его, между прочимъ, читалъ ли онъ статью г. *Монтегю* (привилегированнаго критика этого *Revue* въ настоящую минуту, о послѣдней драмѣ его сына *Le Fils naturel* (Побочный Сынъ), которая, какъ извѣстно, имѣла огромный успѣхъ въ Парижѣ въ послѣднюю зиму. Г. Монтегю не слишкомъ благосклоненъ къ г. Дюма-сыну и въ заключеніе своей статьи объ его комедіи восклицаетъ: «И вотъ чѣмъ угощаютъ публику подъ именемъ комедіи въ отечествѣ Рабле и Мольера, Вольтера и Бомарше! Бѣдный французскій умъ — этотъ промотавшійся вельможа поневолѣ говѣетъ въ настоящую минуту....»

— Чью статью? спросилъ меня г. Дюма.

— Монтегю въ *Revue des deux mondes*....

Г. Дюма улыбнулся и положилъ мнѣ руку на плечо.

— Повѣрьте мнѣ, mon cher monsieur, что я въ глаза никогда не видалъ этого господина и не имѣю объ немъ никакого понятія и я увѣренъ, что сынъ мой также не знаетъ его. Мы этихъ господъ не читаемъ и мало заботимся объ ихъ критикахъ. Мы все—я, Ламартинъ, Викторъ Гюго заранѣе знаемъ, что будутъ говорить объ насъ въ такомъ, или въ другомъ журналѣ. Все это духъ партій, sauterics.... *Revue des deux mondes* — это журналъ Орлеанистскій.

— Однако Монтегю—человѣкъ извѣстный, замѣтили съ важною петербургскіей французъ, находившійся въ нашемъ обществѣ,— онъ замѣнилъ Густава Пянина....

— Allons donc! вскрикнулъ горячо г. Дюма, махнувъ рукою на воздухъ: — какая извѣстность! кто знаетъ всехъ этихъ господъ! У насъ на нихъ порядочные люди не обращаютъ вниманія. Этого господина.... какъ вы его называете.... Монтегю что ли?... онъ.... да! это онъ, если я не ошибаюсь, осмѣлился нападать на нашу національную славу—на кого же? на Беранже (!)!... Вотъ каковы эти господа! какъ же принимать ихъ серьезно?..

Г. Дюма остановился на минуту и прибавилъ:

— Конечно, Беранже еще не Богъ знаетъ какой поэтъ сравнительно, наиримѣръ, съ Викторомъ Гюго, или Алфредомъ Мюссе!... но читали ли вы, что осмѣливались писать эти господа о Гюго?..

— Кстати о Гюго, спросилъ я: — въ какомъ положеніи теперь его дѣла? сохранилъ ли онъ свое состояніе?

— Онъ не пуждается, отвѣчалъ г. Дюма:—у него есть по крайней мѣрѣ 400,000 франковъ.... А! вотъ человѣкъ-то! прибавилъ онъ; — это и талантъ великій и характеръ такой же. Это мой лучший другъ...

Паркъ, въ которомъ мы обѣдали, сельскій домикъ, построенный въ швейцарскомъ вкусѣ въ этомъ паркѣ, и вообще окрестности петергофскія, очень понравились г. Дюма. Его и г-на Моне смущаютъ только наши зеленые крыши, они равнодушно не могутъ видѣть этихъ зеленыхъ крышъ.

— Вотъ эта дача, очень мило и со вкусомъ выстроена, сказалъ г. Моне, указывая на одну изъ дачъ на горѣ, на такъ называемыхъ *новыхъ мѣстахъ*, — но зеленая крыша все испортила!

— О! ваши зеленые крыши, это ужасная вещь! воскликнулъ г. Дюма....

Петергофъ и Ораніенбаумъ — очень заинтересовали г. Дюма по

(*) Вотъ между прочимъ фраза изъ статьи Монтегю о Беранже:

....*Le bohème* (такъ безцеремонно г. Монтегю называетъ Беранже) est plus changeant que le caméléon, et il échappe facilement alors qu'on croit fermement le tenir....» (Un dernier mot sur Béranger. R. des deux mondes. 1 janvier 1838, стр. 81).

своимъ историческимъ воспоминаніямъ, и онъ осматривалъ дворцы и парки съ величайшимъ любопытствомъ и входилъ въ мѣлчайшія подробности.

Ночь провелъ г. Дюма въ Ораніенбаумѣ въ трактирѣ подъ вывѣскою: *Francfort sur l'Oder*. Это прибавка *sur l'Oder* очень понравилась ему и сдѣлалась для него нестоимымъ предметомъ шутокъ.

— Какъ вы провели ночь во Франкфуртѣ *на Одерѣ*? спросилъ я его на другой день....

— Отлично! отвѣчалъ онъ: — а я вамъ скажу, что съ этимъ Франкфуртомъ *на Одерѣ* шутить нельзя.... Нѣтъ! это удивительное заведеніе.... здѣсь все чисто и очень порядочно....

Честъ и слава содержателю Ораніенбаумскаго Франкфурта *на Одерѣ*, который, къ сожалѣнію, оказался пѣмцомъ!

Онъ легко пріобрѣтеть теперь — и при томъ во все неожиданно, европейскую извѣстность, если попадетъ въ путевыя впечатлѣнія г. Дюма, что очень легко можетъ случиться.

Здѣсь кстати можно пожелать, чтобы всѣ загородныя гостиницы около Петербурга, не отличающіяся ни чистотою, ни удобствомъ, правда, съ цвѣтами на окнахъ и съ занавѣсами, но съ грязными скатертями, съ оборванной и полупьяной прислугой и съ различными насѣкомыми, взяли бы себѣ въ примѣръ, этотъ Франкфуртъ *на Одерѣ*, замѣчательный простотою и чистотою, но неимѣющій на окнахъ ни цвѣтовъ, ни занавѣсокъ и никакихъ безполезныхъ для путешественниковъ украшеній....

Обратимся къ нашему путешественнику. Дѣятельность, подвижность и энергія г. Дюма изумительны. Въ этомъ случаѣ онъ не уступитъ никакому молодому человѣку, несмотря на то, что ему 58 лѣтъ (по его словамъ). Мы пріѣхали въ Ораніенбаумъ въ 11 часовъ вечера — и въ 12 часовъ онъ уже былъ съ перомъ въ рукахъ за работой и писалъ до 2 часовъ; отъ 7 до 11 утра онъ также работалъ, потомъ осматривалъ Ораніенбаумскія дворцы; послѣ осмотра ихъ, онъ снова принялся за перо и писалъ до половины шестаго, т. е. до самого обѣда. Г. Дюма хочетъ передать своимъ соотечественникамъ романъ г. Лажечникова «Ледяной домъ», съ помощію одного изъ извѣстныхъ нашихъ литераторовъ и уже я видѣлъ первую часть этого романа, переведенныя и написанныя собственною его рукою.

— Нравится ли вамъ этотъ романъ? спросилъ я его.

— Очень, отвѣчалъ онъ: — это замѣчательное произведеніе, этотъ романъ замѣчателенъ по развитію и по мастерству концепціи.

— Какъ было бы пріятно слышать это отъ васъ его автору, замѣтилъ я; — жаль, что его нѣтъ теперь въ Петербургѣ.

— А развѣ онъ живъ? спросилъ Дюма: — о я былъ бы очень радъ позать ему руку за то удовольствіе, которое онъ мнѣ дославляеть!

При концѣ обѣда... за шампанскимъ... надобно замѣтить, что г. Дюма кушаетъ съ аппетитомъ и большой охотникъ до пива.... ровозглашено было снова его здоровье и при этомъ обращено было къ нему нѣсколько словъ однимъ изъ нашихъ литераторовъ.

Г. Дюма, обѣдавшій въ бѣломъ пикейномъ сюртукѣ, безъ жилета, съ открытою грудью, запросто, — такъ какъ онъ работалъ, вскочилъ съ своего стула, и обнялъ литератора....

— А! право, господа, вы меня конфузите, сказалъ онъ: — вашъ искренній и простой пріемъ меня тронулъ. Я полюбилъ васъ всѣхъ отъ души....

Тотчасъ послѣ обѣда онъ снова принялся за работу и работалъ до чая.

Въ это время я оставался съ г. Моне.

— Что похожъ ли его сынъ на него? спросилъ я у г. Моне.

— Нѣсколько, отвѣчалъ г. Моне: — между ними нѣтъ ничего общаго. Г. Дюма, какъ вы его видите, человѣкъ простодушный, добросердечный, открытый, щедрый, имѣвшій огромныя суммы и все проживавшій, а тотъ—человѣкъ положительный, расчетливый, дорожающій каждой копѣйкой, составляющій себѣ состояніе, Онъ понималъ, что въ сію минуту въ Парижѣ—деньги, биржа, ажіотажъ—составляютъ всѣ насущныя интересы и онъ бьется изъ того, чтобы сдѣлаться богатымъ и уже почти достигъ этого....

— А г. Дюма имѣетъ ли теперь какое нибудь состояніе?

— Г. Дюма, скааалъ онъ: — всегда можетъ достать своими трудами большія деньги....

Чай былъ поданъ и г. Дюма долженъ былъ прекратить свою работу. Онъ явился къ намъ живой, веселый и разговорчивый по-прежнему.

— Скажите, Дюма, что вы были въ молодости, спросилъ его одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ: — если вы теперь такъ здоровы, дѣлательны и энергичны?

— Но, топ chère, отвѣчалъ онъ:—я въ молодости былъ тоже самое, что теперь! Я не чувствую никакой перемѣны.

Передъ чаемъ ему предложили простоквашу. Онъ замѣтилъ, что это молоко имѣетъ видъ очень привлекательный, взялъ однако первую ложку съ нѣкоторою недовѣрчивостію, но когда проглотилъ ее, вдругъ пришелъ въ восторгъ.

— Mais c'est magnifique ça! повторялъ онъ послѣ каждой ложки, попросилъ еще и спрашивалъ какимъ образомъ готовится это

молоко. Потомъ онъ принялся за чай, попросивъ, чтобы его налили для него въ чашку.

— Изъ стакановъ я пить не умѣю, замѣтилъ онъ: — я обжигаю руки.

Кто-то спросилъ о томъ, какъ идетъ подписка Ламартина?

— Очень плохо, сказалъ онъ: — но дѣло въ томъ, что у него состояніе, правда, въ долгахъ, но все таки хорошее состояніе, при томъ онъ торгуетъ виномъ и получаетъ большія деньги за свой журналъ. Онъ имѣетъ 20,000 подписчиковъ, жизнь ведетъ онъ теперь очень скромную и я совершенно не понимаю, отчего дѣла его въ такомъ разстройствѣ!...

Разговоръ былъ живой и одушевленный. Г. Дюма рассказывалъ намъ обо всемъ: о Людовикѣ-Филиппѣ, о герцогѣ Орлеанскомъ, о его женѣ, о Кавеньякѣ, о принцессѣ Матильдѣ, которую онъ очень хвалилъ, и о *господинѣ Бонапартѣ* (такъ называетъ онъ Наполеона III), къ которому не питаетъ повидимому особеннаго расположенія.

— Господа! произнесъ онъ въ заключеніе:—я на своемъ вѣку пережилъ 18 переворотовъ (и онъ началъ перечислять ихъ). Довольно съ меня, не правда ли?

Время бѣжало незамѣтно. Намъ всѣмъ казалось, что мы ужь Богъ знаетъ сколько лѣтъ знакомы съ этимъ человѣкомъ, хотя мы въ первый разъ въ жизни увидѣли его только наканунѣ. Такое впечатлѣніе онъ производитъ на всѣхъ. Къ кому бы ни явился онъ, онъ сейчасъ располагается безцеремонно, какъ у себя дома, говоритъ безъ умолку, кушаетъ, пьетъ въ большомъ количествѣ пиво, идетъ работать въ кабинетъ хозяина, сбрасывая съ себя верхнее платье и падѣвая туфли, потомъ снова возвращается, кажется еще любезнѣе и веселѣе прежняго.... и все общество воскресаетъ и оживляется при его появленіи, а между тѣмъ, какъ онъ работаетъ въ кабинетѣ хозяина, г. Моне беретъ за свой портфель, чинитъ карандашъ и рисуетъ мѣстность, если она правится г. Дюма и ему. Г. Моне владѣетъ и карандашомъ и кистью.

Глядя на г. Дюма и слушая его, убѣждаешься, что г. Жюль-Жанень характеризовалъ его въ немногихъ словахъ чрезвычайно вѣрно и что къ этой характеристикѣ трудно что нибудь прибавить.

Въ половинѣ десятаго часа вечера мы сѣли съ Дюма въ коляску и отправились въ Петергофъ къ пароходной пристани. Въ это время начиналъ накрапывать дождь? Дюма былъ въ одномъ сюртукѣ.

— Смотрите не простудитесь, сказалъ я ему: — нашъ климатъ очень коваренъ.

— Не бойтесь, я никогда не простужаюсь, отвѣчалъ онъ,—и при этомъ еще снялъ шляпу и всю дорогу, несмотря на дождь, проѣхалъ съ открытой головой.

— Это освѣжаетъ! говорилъ онъ.

Мы растаяли на пристани, совершенно уже какъ старые знакомые. Г. Дюма крѣпко пожалъ мнѣ руку, заключилъ меня въ свои объятія и произнесъ:

— Sans adieu!...

Черезъ пять минутъ пароходъ отчалилъ отъ пристани.

Мы воображали по слухамъ, что г. Дюма, заведя фабрику романовъ, сложилъ спокойно руки и безисечно наслаждается жизнью.... Какой вздоръ! Трудно представить себѣ человека дѣятельнѣе и трудолюбивѣе его, и въ этомъ случаѣ онъ можетъ для насъ русскихъ литераторовъ, людей вообще нѣскольکو лѣтнихъ (надо быть откровеннымъ) служить поучительнымъ примѣромъ.

Г. Дюма пробудетъ въ Петербургѣ еще нѣскольکو дней и потомъ отправится въ Москву, Нижній Новгородъ (на ярмарку); изъ Нижняго на пароходѣ по Волгѣ до Астрахани, а оттуда на Кавказъ.

Я совсѣмъ было забылъ сказать еще одно. Мы перевели г. Дюма вступленіе къ «Мѣдному Всаднику» Пушкина, первыя строфы, начинающіяся:

На берегу пустынныхъ волнъ

Стоялъ Онъ думъ великихъ полнъ... и проч.

Г. Дюма черезъ нѣскольکو минутъ передалъ намъ эти строфы въ прекрасныхъ и звучныхъ стихахъ....

И г. Юмъ, знаменитый Юмъ, о которомъ столько толковали французскія и англійскія газеты, въ настоящую минуту находится въ Петербургѣ. Я не видѣлъ г. Юма, но много слышалъ объ немъ. Говорятъ, это человекъ тицедушный, больной, тихій, мало интересный въ обыкновенномъ состояніи, а въ состояніи экзальтаціи еще никто не видѣлъ его въ Петербургѣ, потому что, по его собственному сознанію и выраженію, *духи* оставили его....

Загородныя гулянья идутъ своимъ чередомъ, и между прочимъ открылись два новыя загородныя увеселительныя заведенія: *Monde Brillant* — на мѣстѣ прошлогодней виллы Боргезе и на Петровскомъ острову—заведеніе, имени котораго мы не знаемъ.... Люди, считающіе долгомъ слѣдить за карьерой г. Излера, съ упрекомъ замѣтили намъ, что мы жестоко ошиблись, сказавъ въ прошломъ мѣсяцѣ, что г. Излеръ находится буфетчикомъ при Минеральныхъ Водахъ. По ихъ словамъ, г. Излеръ самъ содержитъ заведеніе на Петровскомъ острову. Это насъ утѣшило и мы желаемъ ему полного успѣха.

Носятся слухи, что 11 іюля въ одномъ изъ загородныхъ Петербургскихъ дворцовъ будетъ балъ и что къ 22 іюню готовится праздникъ съ великолѣпною иллюминаціей.